

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Елены АРСЕНЬЕВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Бабочки Креза
Камень богини любви
Коллекция китайской императрицы
Письмо французской королевы
Рецепт Екатерины Медичи
Ключ к сердцу императрицы
Магический перстень Веры Холодной
Личный оборотень королевы
Дневник ведьмы
Клад вечных странников
Компромат на Ватикан
Портрет королевского палача
Коварные алмазы Екатерины Великой
Мудрая змея Матильды Кшесинской
Код Васнецова
Проклятый подарок Авроры

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

Проклятый
подарок
Авроры

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*
Оформление обложки *Н. Кудри*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Проклятый подарок Авроры / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-094298-5

Говорят, бывают люди — самые обычные люди, — которые притягивают к себе беды. Говорят, бывают люди — хорошие, добрые, — которые против воли своей причиняют беды другим. Такой была блистательная красавица своего времени — Аврора Шернваль-Демидова-Карамзина, которая получила «титул» смертоносной красавицы. Казалось, над ней тяготеет некое проклятие. Все, что она кому-нибудь дарила, было источником беды. Так случилось, что ее медальон погубил множество людей. Одной из них стала русская девушка — партизанка Лиза Ховрина-Петропавловская. История ее трагической и героической судьбы странным образом сплелась с судьбой писательницы Алёны Дмитриевой...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094298-5

Прости, забудь меня; мы вместе шли донныне;
Путь новый избрал я, путь новый избери,
Печаль бесплодную рассудком усмири,
Как я, безропотно покорствуя судьбине.
Не властны мы в самих себе...

Е. Боратынский

Все, что было не со мной, помню.

Р. Рождественский

Далекое прошлое

Он возвращался счастливым и гнал коня во весь опор. Бабушка, конечно, не могла приехать в Гельсингфорс¹ из своего отдаленного имения, чтобы побывать на свадьбе внука, вот он и решил ее порадовать, навестить — а заодно получить благословение от единственного родного человека. Порадовал, получил, теперь надо спешить. День венчания уже назначен. Совсем скоро Карл Маннергейм, богатый и знатный швед, отпрыск знатного рода, станет мужем прекрасной, прекраснейшей Авроры Шернваль, дочери покойного Выборгского ландсгевдинга, то есть губернатора, Карла Юхана Шернваля, падчерицы видного Выборгского сенатора и юриста Карла Йохана фон Валлена. А впрочем, Карл знал, что искал бы руки и сердца Авроры, будь она даже простой крестьянкой и живи не в роскошном доме в Гельсингфорсе,

¹ Это русское произношение шведского названия финского города Хельсинки (Helsingfors (швед.), Helsinki (финск.)), которое в то время, когда Финляндия входила в состав Российской империи, имело место в быту, в официальных документах и в картографии. (Здесь и далее прим. автора.)

а какой-нибудь невзрачной деревушке — вроде тех, которые он миновал в своем стремительном пути по мерзкой, расквашенной от дождей, заваленной сучьями и коряжинами дороге. Он отдал бы жизнь за нее, за ее любовь!

Переняв поводья одной рукой, он стиснул другой в кармане чудесную резную табакерку — подарок невесты с миниатюрой на крышечке: ее портретом и инициалами — АШ.

Конь вдруг оскользнулся, Карл уронил поводья, не удержался в седле и тяжело ударился оземь.

Через несколько часов на него набрели два крестьянина, которые услышали в лесу тоскливое ржание коня.

— Куда ж это он так гнал, страдалец? — простонал один, глядя на мертвого всадника.

— Ой, жалостливый, гляньте на него... — фыркнул его спутник.

— А чего ж его не пожалеть, Федот? Молодой, красивый, жить бы да жить, кабы не эта коряжина. Вот так несся сломя голову — и принеся. А там, может, матушка ждет, а то и девица-красавица в окошко глядит: где ты, мой суженый? А суженый — вот он, с проломленной головой на дороге лежит.

— У всякого судьба своя, хватит тебе причитать, Климка, — оборвал его Федот. — Ты вот что... коня расседлай да в табор сведем его. Мол, по дороге мчал, знать, от какого-то табуна отбился. Цыгане, конечно, народ воровской, настоящую цену не дадут, да ладно, хоть какие-то деньги. К себе ж на двор привести его мы не сможем, верно? Пойдут расспросы: чей да откуда... Привяжутся, глядишь, донесут, понаедет полиция — не отмоешься вовеки. Еще и скажут, что мы этого бедолагу уходили. Поди докажи, что сам он упал!

— Так ведь ежели тело мертвое отыщут, все равно станут искать виновных. А цыгане возьмут да и ска-

жут, мол, крестьяне из Ивановки им коня приволили. И скрутят нас, и в каторгу!.. Нет, пошли лучше пододбру-поздорову! — засуетился Клим.

— Глупый ты, брат, глупый да трусливый. Сними седло, сними уздечку — да в воду. Коня цыганам сведем. А этого... раба Божьего... и его в воду, на глубину на самую. Поди набери камней, насуем ему в карманы, чтоб не всплыл. погоди, дай-ка я в карманах для начала пошарю. Ох ты... а это чего?

— Коробушка с табаком, а камни-то, камни какие... — восхитился Клим. — И личина на крышечке... И впрямь девица! И впрямь красота несказанная! Положи на место, Федот. Ладно, конь, но коробушка заветная... с любовью даренная. Положи. Грех это!

— Не мели ерунды, — сурово буркнул Федот. — Ему уж теперь все равно, а нам с тобой деньги позарез жизни нужны. Тебя от рекрутчины откупим, а я... а я женюсь теперь! Ему-то, страдальцу, теперь уже все равно! Ну, чего стал?! Расседывай коня, чего на личину уставился? Не про тебя честь! И не горюй о ней: одного похоронила — другой сыщется. На такую красоту господу небось летят как мухи на мед! Поплачет — да и успокоится.

Нижний Новгород, наши дни

Иногда главное — не оглядываться. Так советует народная мудрость! Возьмите какую хотите сказку — непременно герой должен идти вперед, а назад посмотреть — ни-ни! Или вспомним Орфея. Его же предупреждали: когда поведешь Эвридику из Аида, ни в коем случае не оборачивайся! Однако он обернулся — ну и вот вам результат: лишился навеки Эвридики, а потом и сам погиб, растерзанный менадами. А ведь кто знает, как бы сложилась его судьба, если

бы он не оглянулся тогда, уходя из Аида?! Главное, предупреждали ведь! Нет, как об стенку горох...

А вот Алёну Дмитриеву никто не предупреждал. Поэтому ее некоторым образом можно извинить за то, что она обернулась. Померещилось знакомое лицо, ну и обернулась, чтобы посмотреть на двух девушек, которые как раз садились в серый «Ниссан». Та, на которую оглянулась Алёна, тоже бросила на нее любопытствующий взгляд и даже вроде бы улыбнулась, но наша героиня уже решила, что ошиблась, что никогда раньше эту барышню не видела и явно приняла ее за кого-то другого. А может, и видела, но не помнила. Что и говорить, память у нашей героини была короткая, короче некуда, из-за чего она не единожды попадала в неловкое положение. С другой стороны, писателю как бы положено быть рассеянным. Алёна же Дмитриева была именно что писательница — не слишком, конечно, известная, но за славой она не гналась.

Ведь что слава? Жалкая заплата, как известно, а главное, слава, прежде всего мирская, проходит, как... ну, как-то *так* она проходит, как-то *sic*. Ну всю жизнь мечтала Алёна уточнить, что же это за *sic* такое особенное, какой смысл вкладывали премудрые латиняне в это понятие? Сказали: *sic transit Gloria mundi*, но не позаботились пояснить, каким же особенным *sic*'ом эта сама *mundi* берет да и *transit*... А впрочем, ключевое слово здесь именно *transit*, проходит, проходит слава, хоть тресни...

Размышляя об этом, Алёна пошла себе дальше, начисто забыв про двух девушек, которые садились в серый «Ниссан», а черноглазый, улыбочивый, донельзя любезный молодой человек захлопнул за ними дверцу и сел рядом с водителем.

— Что за тетка? — спросил настороженно. — Знакомая или как?

Девушки переглянулись. Черноглазый обаятельный и любезный красавчик мгновенно перестал быть обаятельным и любезным. И даже как бы красоты в нем поубавилось.

И тут черт потянул за язык одну из девушек... а может быть, черт тут был совершенно ни при чем, просто она инстинктивно почувствовала беду, которой почему-то не предчувствовала раньше, и попыталась ее отвести, хоть как-то себя обезопасив.

— Да, знакомая, — сказала она. — Это писательница здешняя, очень известная, Алёна Дмитриева. Знаете такую?

— Нет, — покачал головой молодой человек и покаянно улыбнулся. У него была очаровательная улыбка, добрая и открытая, имеющая, впрочем, такое же отношение к доброте и открытости, как слезы крокодила — к жалости. Не более чем сокращение лицевых мускулов и демонстрация великолепных зубов... это мы об улыбке, понятное дело. — Пелевина знаю, а Дмитриеву какую-то... Нет.

— А вот я Пелевина не люблю! — задиристо сказала девушка и прошлась насчет его сине-зеленой кислотности, а молодой человек возразил, причем стало ясно, что он читал Пелевина побольше, чем эта девушка, и ей стало неловко, она разгорячилась, немедленно начала ввязываться в спор ради спора, ничего уже вокруг не видела, не обращала никакого внимания ни на что, в том числе на то, куда их вез молчаливый, лишь изредка ухмыляющийся водитель, — и продолжалось это до тех пор, пока ее подруга — которая участия в споре не принимала, потому что вообще никого не читала, ни Пелевина, ни

Дмитриевой, ни графа Л. Н. Толстого (бывают, бывают такие люди, и их даже больше, чем вам кажется!), — не ткнула ее в бок и не спросила встревоженно: — Слушай, а где это мы?

Честно говоря, еще и раньше подруга удивлялась, что едут они вроде бы не совсем туда, куда хотели добраться, — в центр Сормова, а по каким-то извилистым, окольным путям, она даже спросила почему, но водитель буркнул: объезд, мол, дорога ремонтируется, что, она знаков не видела? Она не видела знаков, но промолчала, потому что на всю жизнь усвоила правило, которое в пору ее детства было запечатлено в каждом средстве общественного транспорта: «Во время движения не отвлекайте водителя разговорами!» Вот она и не отвлекала. К тому же она привыкла к тому, что «мужчина лучше знает!». Но вот теперь подспудное беспокойство вырвалось наружу.

Тогда и первая девушка наконец-то глянула в окошко — и изумилась. Они находились на какой-то окраине... несколько невзрачных домиков, вызывающих в памяти невразумительное словосочетание «народная стройка», торчали среди заброшенных, заросших сорняками садовых участков с полусгнившими деревьями и уродливыми пнями, словно и сами были такими же пнями.

— Слушайте, слушайте, — забормотала девушка, мигом испугавшись и забыв и про Пелевина, и про Алёну Дмитриеву, и вообще про все на свете. — Где это мы, зачем, почему, как, нам же в центр Сормова надо было! А это что? Вы куда нас привезли? Зачем?

— Ничего, девушки, — успокоительно сказал обаятельный любитель Пелевина и улыбнулся чарующе. — Вы давайте выходите. Там разберемся.

А поскольку они не тронулись с места, вцепившись в кожаную обивку сидений, он выключил улыбку, как выключают свет, и рывкнул:

— Выходите, живо, ну!

Девушки дружно зажмурились от страха и не двинулись с места, но через мгновение знакомая Алёны Дмитриевой услышала пронзительный визг подруги — и открыла глаза, понимая, что сейчас увидит нечто ужасное.

Да, в самом деле — она увидела, что любезный молодой человек держит пистолет и черное дуло упирается в лоб ее подруги.

Мезенск, 1942 год

— *Откуда она тут взялась? Нет, объясните, откуда она тут взялась?!*

— *Mein Gott¹, угомонитесь, фон Шубенбах, не кричите так. Ясно же, что она тут взялась из воды.*

— *Изволите шутить, обер-лейтенант? А между тем мне не до шуток. Откуда вдруг посреди реки взялась эта женщина?!*

— *Возможны следующие варианты, фон Шубенбах: а, бэ, цэ. Вариант а: эта фрейлейн — сирена, русалка, жительница подводных глубин, морских и речных, и она выглянула на поверхность, чтобы спеть нам свою чарующую песнь и увлечь на дно, где она обитает в роскошном дворце. Не приходилось читать в детстве сказки некоего Ганса Христиана Андерсена? Конечно нет, я почему-то сразу так и подумал, что нет.*

— *Андерсен? Подозрительная фамилия. Он, этот ваш Андерсен, наверное...*

¹ Бог мой (нем.).

— Нет, успокойтесь, у этого господина вполне арийское происхождение, он датчанин, потомок тех самых викингов, которые так милы сердцу нашего фюрера. К тому же сей господин отошел к праотцам более полувека назад.

— Тогда при чем он тут вообще?!

— Всего лишь при том, что у него есть сказка об одной такой *pixe*, русалке, которая настолько сильно влюбилась в некоего простоватого принца, что ради него рассталась со своим рыбьим хвостом и обрела две ножки — полагаю, столь же прелестные, как и у этой *фрейлейн*, которая так мило лежит перед нами на траве. И все же полагаю, что это не русалка. *Nobless oblige*, как говорят в Париже, откуда я прибыл совсем недавно, — ах, какой город, фон Шубенбах, какой город и какие в этом городе женищины! — положение обязывает, а потому русалка должна была явиться пред нами некоторым образом *exposé*, а попросту сказать, *пи*¹, а не в купальном костюме, как наша прелестная утопленница. Это все, что я хотел сказать о варианте «а». Теперь о варианте под литерой «бэ». Полагаю, именно он пришел вам в голову — судя по вашим прищуренным глазам, фон Шубенбах. А состоит он в том, что бесчувственная красотка — *диверсантка* с русской подводной лодки, которая, очевидно, лежит на дне реки. *Фрейлейн* всплыла на поверхность в надежде обворозжить вас и с вашей помощью получить доступ к неким секретным документам, которыми вы как помощник главного военного следователя, конечно, располагаете... Сама по себе версия хороша, не спорю, однако, учитывая глубину сей речушки, особенно на отмелях, я не могу вообразить даже бочку, которая могла бы незаметно залечь на дно, не то что полноценную под-

¹ Обнаженная; голая (франц.).

водную лодку. Так что вариант «бэ» мы тоже можем считать несостоятельным. Остается «цэ», и эту версию я готов был бы считать самой правдивой.

— И в чем она состоит?

— Да в том, что наша незнакомка заплыла сюда с той стороны пляжа, где расположились бравые ребята из гестапо. Это подружка какого-нибудь обершарфюрера СС, неустанного борца против этих мифических подпольщиков.

— Почему вы называете их мифическими?

— Да потому, что они — как персонажи мифов: их никто не видел, но все о них знают и из уст в уста передают сказания об их героических деяниях.

— Героических деяниях?! Советую вам быть поосторожней в словах, обер-лейтенант Вернер!

— Да ладно вам, фон Шубенбах, я употребил это слово исключительно в кавычках.

— Смотрите... вы здесь на фронте, а не в Париже или Берлине, под крылышком папеньки-фабриканта. Что же касается ваших пресловутых версий, то я, пожалуй, предпочел бы, чтобы эта особа оказалась не русалкой, а партизанкой. Мы отволокли бы ее в гестапо, и я наконец получил бы отпуск! Смотрите-ка, Вернер, у нее дрожат ресницы! Она пришла в себя! Откройте глаза, фрейлейн. Откройте глаза! Разве вы не понимаете, что я говорю?

Лиза вздохнула, неохотно открыла глаза. Она лежала на травянистой полоске узкого островка, который находился посреди не слишком широкой и вовсе даже не бурной реки. Лиза с некоторым усилием села и огляделась. Левый берег был высок, обрывист и покрыт аккуратными пеньками. Вдали, метров через сто, начинался довольно густой лес, и можно было предположить, что некоторое время назад он подходил к самой реке, а потом

его вырубил. Теперь на берегу стояли несколько солдат в серо-зеленой форме, в касках, с автоматами и ручными пулеметами, направленными на лес. Под берегом прищулилась лодка, в которой тоже сидели автоматчики.

Увидела она солдат и на противоположном берегу. Они стояли редкой цепью вдоль дороги, сквозившей за реденькими рошицами. Половина солдат в цепи была в серо-зеленых мундирах, половина — в черных. А между их цепью и водой резвились веселые компании полуодетых людей. Мужчины были в купальных трусах или плавках, женщины — кое-кто в модных купальниках, а кое на ком Лиза увидела самые обычные майки, заправленные в обычные розовые или голубые трусы и для шикю перехваченные ремешками. Ну что ж, в конце концов, они тут собрались не для спортивных состязаний, где требовалась форма, а чтобы развлечься. И развлекались самым непринужденным образом. Небольшая компания играла в волейбол; много народу плескались в воде. Некоторые лежали на разостланных полотенцах и загорали, благо солнце было ярким и жарким. Некоторые молодые люди старательно уткнулись в книжки, демонстративно не обращая внимания на визг и смех, которые раздавались из-за кустов: ведь кое-кто был уже навеселе и вел себя совершенно непринужденно с легко одетыми девицами. Слышались звуки гармоники, и приятный голос громко, хоть и несколько фальшиво выводил:

Около казармы
У самых у ворот,
Фонарь стоит высокий,
Горит он круглый год.
И мы с тобой, в любви горя,
Стояли здесь, у фонаря,
Моя Лили Марлен,
Моя Лили Марлен...

По берегу туда-сюда сновал человек в серой форме с неуклюжей, громоздкой кинокамерой в руках. Он подбегал то к волейболистам, то к купальщикам, то заглядывал за кусты, откуда слышался дурашливый крик. Один раз в оператора полетела бутылка, и больше он в кусты не совался, целиком переключившись на волейболистов.

— Вы с таким любопытством озираетесь, как будто с луны на землю свалились! — засмеялся кто-то рядом. — Ну взгляните же наконец и на нас, грешных, всё же мы в некотором роде ваши спасители!

Лиза повернула голову и наконец-то удостоила взглядом двух молодых людей, стоявших рядом.

Один был высоченный, плечистый, атлетического сложения, ярко-голубоглазый блондин — вообще его вполне можно было назвать даже белобрысым. Его мускулистое тело было очень белокожим, и солнце уже оставило на нем следы. «Если не оденется, то запросто сгорит», — подумала Лиза и оглянулась на второго молодого человека.

Он смотрелся не столь эффектно: и ростом пониже, и в плечах поуже, и волосы всего лишь темно-русые, и глаза самые обыкновенные, серые, однако в этих глазах, направленных на Лизу, светилось столько откровенного мужского интереса, что она невольно смутилась.

— По-хорошему, это нас, скромных героев, должен был запечатлеть сей досужий ловец сенсаций, — сказал он, кивая на оператора с камерой, и в его глазах сверкнула насмешка.

Лиза узнала голос того, кого называли Вернером. А «белокурая bestия» — это, конечно, фон Шубенбах.

— Какая жалость, что его не оказалось рядом, когда мы тащили вас из реки, — продолжал Вернер. — Вот это, я понимаю, была бы трогательная иллюстрация к истории жизни доблестных вояк на новых территориях.